

Глава 3

Отдельный крейсерский отряд будет состоять из трех броненосных крейсеров I ранга, одного небронированного крейсера I ранга и одного или двух вспомогательных крейсеров Добровольного флота.

База отряду — Владивосток, и цель его... крейсерская война.

Из русских планов войны на Дальнем Востоке, разработанных штабом вице-адмирала Скрыдлова

Идея объединить во Владивостоке несколько крейсеров в одну бригаду, предназначенную для дальних набеговых операций, окончательно сформировалась в умах русских флотоводцев в 1902 году. Но фактически осуществлена была только год спустя, когда в сентябре 1903 года Тихоокеанская эскадра покинула Владивосток, чтобы встретить надвигающуюся войну в Порт-Артуре.

По сей день не существует единого мнения, насколько верным было решение разделить флот по месту базирования на два порта, между которыми — расстояние в 1045 морских миль и кратчайший путь лежит через узкое жерло Цусимского пролива.

Основным аргументом, заставившим русских адмиралов перевести линейные силы флота в Порт-Артур, было то, что значительная часть акватории

Владивостока в зимний период покрывается льдами. И фактически перерыв в навигации составляет не менее трех с половиной месяцев, за которые бог весть что может произойти в случае открытой военной конфронтации, скажем, с той же Японией...

Как бы то ни было, а в бухте Золотой Рог, где еще недавно располагалась вся эскадра, остался только крейсерский отряд особого назначения. Основную силу его составляли уже известные читателю «Россия», «Рюрик» и «Громобой».

С недавним пополнением флота пришел на Дальний Восток крейсер 1-го ранга «Богатырь», представитель новой серии многофункциональных бронепалубных крейсеров — дальних разведчиков. Водоизмещением почти 7 тысяч тонн, вооруженный в качестве главного калибра шестидюймовой артиллерией в количестве 12 пушек. Причем носовая и кормовая пары орудий были защищены броневыми башнями. Со своими довольно выносливыми котлами германской системы Норманна он мог развить примерно 23 узла полного хода, но по характеристикам мореходности, вне сомнения, уступал более крупным и высокобортным броненосным крейсерам.

Перед самым уходом эскадры в Порт-Артур в состав отряда был зачислен пароход Добровольного флота «Херсон», получивший с подъемом военного флага имя «Лена». Трехтрубный, довольно элегантный для транспорта грузопассажирский трансокеанский пакетбот. Выпускание на неприятельские коммуникации мирных на вид пароходов после

установки на них минимального комплекта вооружения было в те годы весьма распространенным явлением. Как только не именовали их во флотских списках — «иррегулярные рейдеры», «вспомогательные крейсера» и даже по-старинному «каперы». Назначение таких кораблей вполне понятно из этих «титолов» — экономическая война в классической форме охоты на транспорты, разведывательные операции, исключая, пожалуй, разведку боем, изредка минные постановки и иные диверсионные акции. Но для участия в открытом артиллерийском бою эти корабли совершенно не предназначены. К сожалению, второй «доброволец», назначенный в отряд, не успел прибыть во Владивосток до начала войны.

Кроме того, в распоряжении начальника Владивостокского порта состояло несколько номерных миноносцев, небольших и немореходных, но вполне применимых для торпедных атак в прибрежной зоне.

В зимнее время содействие всем военно-морским силам в пределах акватории Владивостока должен был оказывать ледокол «Надежный».

Итак, по-настоящему полноценные боевые единицы представляли собой только четыре крейсера. Но это была сила, которая в нужный момент могла *«произвести... на японцев сильное впечатление и навести панику на все прибрежное население и торговый флот Японии»*. По крайней мере именно так формулировалась задача, поставленная командующим Первой эскадрой начальнику отряда контр-адмиралу Эвальду Штакельбергу.

К тому времени «Рюрик» уже считался ветераном эскадры. Он намотал на лаге более ста тысяч миль, прошел в сложных условиях недооборудованной дальневосточной базы полугодовую модернизацию. А после летней учебной кампании 1903 года в самом конце осени крейсер встал на плановый ремонт в доке. К слову, сухой док Владивостока был в этом регионе единственным, способным принять даже самый крупный корабль из числа базирующихся на оба главных русских порта. В нем совершенно свободно мог расположиться и «Громобой» со своей длиной корпуса по ватерлинии за 146 метров, и, скажем, «Цесаревич», у которого более 23 метров ширины по миделю. Ремонтные средства Порт-Артура были значительно слабее из-за неудачной конструкции доковых шлюзов и хронической нехватки квалифицированных рабочих. Накануне войны в Артуре были проблемы и со снабжением портовых мастерских запасными частями и расходными материалами.

Когда «Рюрик» в конце ноября вошел во владивостокский док, остальной состав отряда спустил вымпелы и стал числиться «в вооруженном резерве». Предстояло три с половиной месяца традиционной спокойной зимовки во льдах Золотого Рога. Но угроза военного конфликта с Японией заставила на сей раз отступить от давней традиции: штаб отряда остался «в кампании», и «Россия» не спустила адмиральского флага.

Согласно правилам резервной службы, любой из состоящих в резерве кораблей должен быть готов покинуть порт через 12 часов после приказа о вы-

ходе в море. 18 декабря 1903 года Штакельберг устроил проверку своим крейсерам. По выбору адмирала один из них должен был подготовиться к походу и совершить учебный рейд в корейский город Гензан. Жребий выпал «Громобой», и, опровергая миф о полной неподготовленности русского флота к войне, крейсер рапортовал о готовности к выходу в море уже через пять часов после приказа.

Недолг был этот поход. Утром 21 декабря «Громобой» вернулся и занял привычное место на якорной «бочке» в Золотом Роге. Кто знал тогда, что этот выход станет последней учебной операцией перед приближающейся войной?..

Вскоре возвратился в строй и «Рюрик». Январские события 1904 года отряд Штакельберга встретил в полном составе и, как писали в рапортах тех лет, *«в хорошем техническом состоянии, несмотря на трудности ледового сезона»*.

Наместник — Рейценштейну. Крейсерам начать военные действия, стараясь нанести возможно чувствительный удар и вред сообщениям Японии с Кореей и торговле, действуя с должной смелостью и осторожностью, оставаясь в крейсерстве сообразно обстоятельствам не более 10 дней...

Эта телеграмма легла на стол исполняющего обязанности начальника Владивостокского отряда капитана 1-го ранга Николая Карловича Рейценштейна в ночь на 27 января 1904 года. А в половине десятого утра на мачте «России» взлетел сигнальный флаг — шляпочный «С». Призыв всем уволенным на берег возвращаться на свои корабли.

И три холостых выстрела отрядного флагмана возвести о начале войны.

Лишь накануне «Россия» сменила флаг контр-адмирала на скромный брейд-вымпел капитана 1-го ранга. Эвальд Штакельберг вынужден был оставить корабль из-за болезни, и командование отрядом временно принял Н. К. Рейценштейн. Бывший представитель русского МТК в Германии и командир знаменитого «Аскольда». Судьбе было угодно распорядиться так, что первым приказом по отряду стал приказ о первом боевом походе новой войны.

В зимнее время бухта Золотой Рог заполняется льдами. Без помощи ледакола не обойтись, и в полдень «Надежный» начал обкалывать лед у бортов боевых кораблей и по узкому расчищенному фарватеру по очереди выводить крейсера в Уссурийский залив. Владивосток провожал их традиционным салютом береговых батарей. Толпы горожан наблюдали выход отряда, стоя на набережной и даже на ледовом припае у берега.

Около 16 часов, когда крейсера миновали плавающие льды у острова Аскольд, экипажам была объявлена цель похода. Война, до сих пор пребывавшая в статусе пусть недалекого, но не вполне определенного будущего, стала жестокой явью текущего момента.

Ветер крепчал. В кильватерном строю, покачиваясь на пологой волне, четыре русских крейсера уверенно продвигались к северо-западным берегам японского острова Хонсю. Готовились к бою.

Команды убрали лишние деревянные предметы, обмотали тросами шлюпки, чтобы не летела от них острая щепка при попаданиях. Проверили системы подачи боеприпасов и, хотя море было в эти часы пустынно, зарядили по приказу командующего всю артиллерию.

В полночь пробили первую тревогу. Но сколько ни обшаривали мощные крейсерские прожектора тяжелые волны, обнаружить противника так и не удалось. По всей видимости, сигнальщики «России» приняли за вражеский огонь далекую звезду над самым горизонтом.

Наутро Рейценштейн устроил всему отряду проверку на фактический максимальный ход. Выяснилось, что по показаниям тахометров «Россия» свободно может дать 18,5 узла, «Громобой» — около 19, «Рюрик» — 17,5 и «Богатырь» — 19.

Кажется странным, что трехтрубный красавец «Богатырь», построенный в Штеттине с традиционной германской тщательностью и принадлежащий к самому быстроходному среди русских крейсеров 1-го ранга классу дальних разведчиков, показал на пробеге столь скромный для себя результат. Возможно, сказалась большая, чем у броненосных крейсеров, потеря скорости на засвежевшей волне. Или начальник отряда вовсе не требовал от него непременно продемонстрировать максимум возможностей, желая лишь проверить способность корабля ровно держаться в одном строю с крейсерами принципиально другого типа.